

ЭЛИ БАРРИНГТОН

ПОСЛЕ
ДЕВЯТИ

Элли Баррингтон

После девяти

<https://litres.ru/74227917>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она унаследовала дом в деревне, которой не существует на картах.

Она познакомилась с соседями, которые улыбаются днём и выходят на охоту ночью.

Она узнала правила: после девяти — ни шагу из дома. Не открывай. Не отвечай. Даже если зовут голосом любимого.

Алиса бежала от разбитой карьеры и рухнувших отношений в тишину бабушкиного дома. Но тишина оказалась ложью. За ставнями скрываются не просто суеверия — древний пакт, скреплённый кровью. Жители деревни не те, кем кажутся. По ночам в них вселяются духи умерших, жаждущие новых сосудов. Алиса — новая Хранительница. Или новая жертва.

Чем глубже она погружается в тайны Тихого Урочища, тем меньше понимает: кто здесь на самом деле чудовище? Живые, заключившие сделку с тьмой? Мёртвые, не желающие уходить? Или она сама, постепенно теряющая грань между реальностью и кошмаром?

Время идёт. Стрелки приближаются к девяти. И сегодня ночью кто-то должен умереть.

Элли Баррингтон

После девяти

Тем, кто остался, и тем, кто ушёл.

Пролог

Из дневника Ангелины Степановны

Запись от 12 октября, год уже не имеет значения.

Сегодня снова полночь.

Они ходят.

Я сижу у печки, прислушиваюсь к скрипу половиц за дверью. Это не дом — это скорлупа. Тонкая оболочка из дерева и гвоздей, отделяющая меня от того, что стало моими соседями, моими друзьями, моим мужем.

Петрович за стеной тихо поскрипывает кожаными башмаками. Он проверяет, крепки ли запоры. Не он, конечно. То, что сейчас носит его тело, как я ношу этот старый халат. Там, внутри, сидит его дед, Семён Петрович, который повесился в амбаре в тридцать седьмом. Он всегда был молчаливым, а теперь его тишина заполнила весь дом, стала плотной, как смола.

Я делаю вид, что сплю. Это первое и главное правило. Притворяйся. Днём — улыбайся, кивай, благодари за помощь. Ночью — затаись, не дыши, не смотри в окно. Даже если зовут. Особенно если зовут родным голосом.

Интересно, помнит ли Михаил, чей он сосед? Чувствует ли там, в самой глубине, куда их души оттесняют по ночам, как его руками колют дрова или садятся за наш обеденный стол? Я надеюсь, что нет. Лучше уж пусть спит его душа, пока его плоть служит деду-пьянице, сгинувшему в овраге.

А пакт... Пакт живуч, как корневище старого дуба. Он тянется вглубь земли и вглубь времени. Мы расплачиваемся ночами, чтобы дни были сытыми. Мы отдаём тела, чтобы род не пресёкся. Мы храним молчание, чтобы не лишиться последнего — этой хрупкой скорлупы над головой.

Но я устала. Моя ноша становится тяжелее с каждым годом. Тишина, которую я обязана хранить, давит на уши тяжёлым, глухим звоном. Иногда мне кажется, что я уже почти не отличаю дневные их улыбки от ночных пустых взглядов. Почти.

Я пишу это, потому что должна оставить след. Для той, кто придёт после. Может быть, для моей дочери, которая сбежала отсюда, почуяв правду животным страхом. Может,

для внучки, которую я ни разу не видела.

Если ты это читаешь, значит, дом перешёл к тебе. Значит, ты теперь здесь. И ты должна знать: здесь нет никого, кроме нас, живых призраков, и них, мёртвых, которые жаждут ощутить жизнь через нашу плоть. Твоя кровь в этом пакте. Твой долг — молчать.

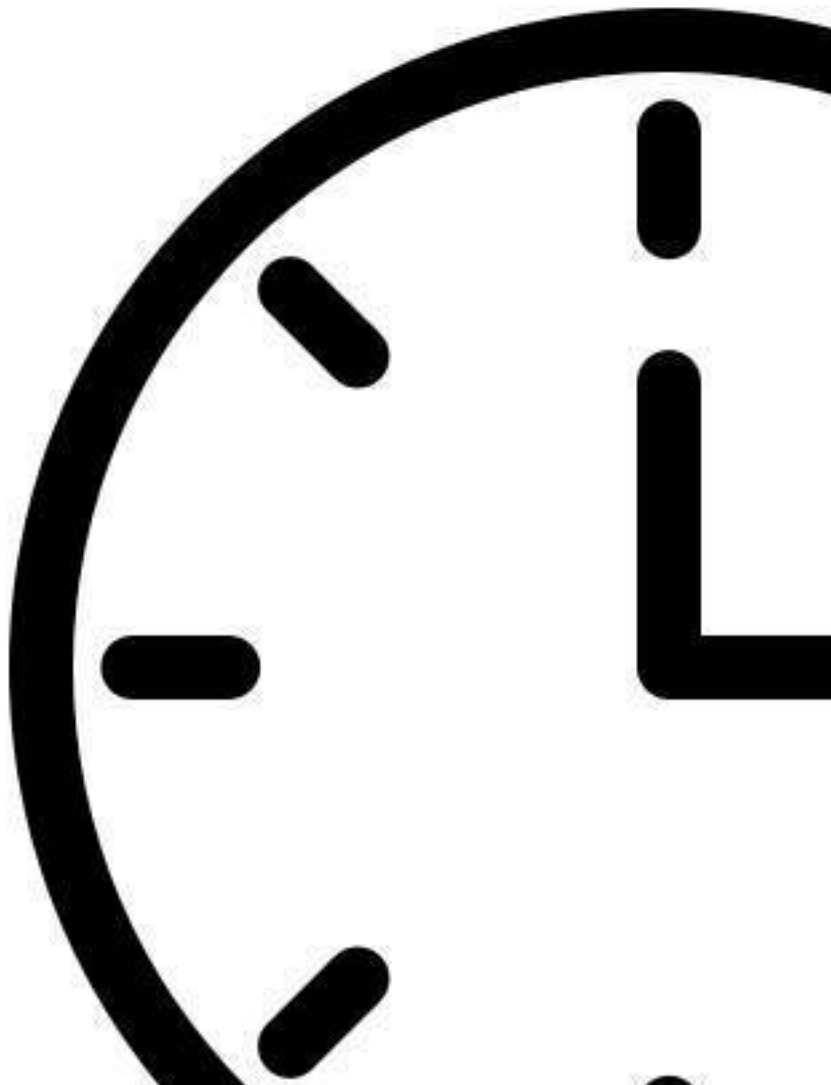
Но я, старая дура, нарушаю последний запрет. Я оставляю тебе не только дом, но и правду. Семена сомнения.

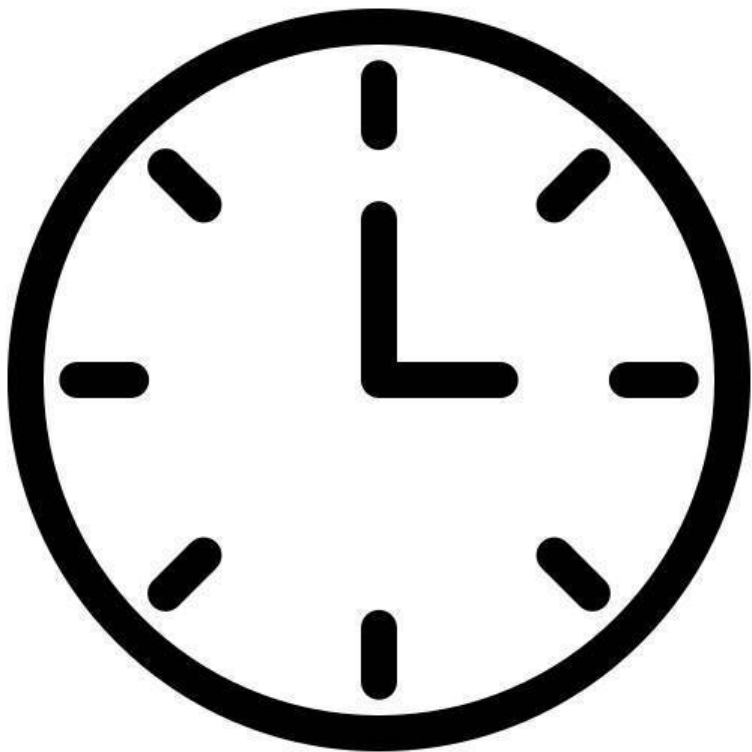
Прости меня за это наследство, дитя моё. И помни главное: после девяти — ни шага. Двери на замок. Не отзывайся.

Даже на мой голос.

Клякса, как будто от упавшей слезы или от резкого движения руки. Запись обрывается.

Часть

Наследство тишины

«Правда в том, что они не лгут. У них просто две правды. И моя задача — выжить, пока я не узнала,

кая из них убьёт меня.»

Глава 1. Последний звонок из города.

•

Дождь стучал по подоконнику не каплями, а целыми пригоршнями воды, будто кто-то методично выплёскивал её из ведра. Этот монотонный шум сливался с тиканьем часов и гулом чужого голоса в трубке, создавая идеальный саундтрек для конца. Алиса сжала телефон так, что костяшки пальцев побелели. Ей было двадцать шесть, но в этот момент она чувствовала себя сорокалетней — разбитой, выжатой, невидящей точки приложения для собственных сил.

— Понимаешь, Аля, это не твоя вина, — говорил голос, мужской, бархатный, старательно-сочувствующий. Голос её бывшего начальника, а по совместительству — бывшего парня. — Просто рынок... Конъюнктура... Команде нужен другой вектор.

«Вектор», — мысленно повторила она, глядя на экран ноутбука. На нём застыл последний слайд презентации, над которым она провела три бессонные ночи. Яркая, дерзкая идея для нового бренда косметики. «Вектор» Марка уходил в сторону дочери совладельца, талантливой девушки, только что

вернувшейся из Лондона. А вектор Алисиной карьеры в студии дизайна «Взлёт» упирался в глухую стену.

— Да, Марк, я понимаю, — услышала она свой собственный голос, удивительно ровный и спокойный. Это был голос выживания. Голос, который не позволяет расплакаться, когда на тебя смотрят. Даже по телефону.

Ещё пять минут ничего не значащих фраз. «Мы остаёмся друзьями», «Ценим твой вклад», «Рекомендации предоставим, куда угодно». Она вешала трубку, и тишина в её маленькой съёмной однушке на окраине города стала вдруг физической, давящей. Не та творческая тишина, которую она любила, заполняя эскизами и мыслями, а пустая. Белая, как незаполненный холст, который от этого пугает ещё больше.

Она обвела взглядом комнату. Стекланный стол, заваленный графическими планшетами и скетчбуками. Полка с профессиональными книгами по типографике и психологии восприятия. Постеры с выставок, на которые она больше не ходила. Всё это — атрибуты жизни, которой, как ей теперь казалось, никогда по-настоящему и не было. Она была талантливым винтиком в чужой машине. И её только что аккуратно вынули, заменив на более блестящий.

На кровати, не убранной с утра, лежал второй телефон,

личный. На его экране застыло уведомление о новом сообщении. От Данила. «Аль, нам нужно поговорить. Серьёзно. Можешь сегодня вечером?»

Она не открывала сообщение. Ей не нужно было. Тон — этот отстранённо-деловой «серьёзный» тон — говорил сам за себя. Ещё один «вектор», менявший направление. Карьера, отношения... Всё, что составляло каркас её взрослой жизни в этом огромном, кипящем возможностями городе, давало трещину одновременно.

Алиса подошла к окну, протирая ладонью запотевшее стекло. Город внизу был мокрым полотном размазанных огней. Возможности. Где они? Они были для тех, у кого есть жёсткая спина, связи, безрассудная наглость или слепая удача. У неё когда-то был задор, перешедший в усердие. А теперь была только усталость и тихий, холодный ужас перед необходимостью снова всё начинать. Рассылать портфолио, ходить на собеседования, улыбаться, доказывать...

Она повернулась, и её взгляд упал на узкую тумбочку у входа. Там, под стопкой нераспечатанных счетов, лежал конверт с толстой, желтоватой бумагой. Он пришёл две недели назад, и она засунула его подальше, как делают с напоминанием о неприятном, но не срочном деле. Деле, связанном с прошлым, с тем, что казалось другой жизнью. Сейчас это

прошлое почему-то не казалось таким уж далёким. Алиса медленно вытащила конверт. Штамп нотариальной конторы из райцентра с труднопроизносимым названием. Адрес отправителя: с. Тихое Урочище.

Она разорвала край. Внутри лежало несколько документов. Официальное письмо. Какие-то справки. И короткое, написанное от руки сопроводительное письмо от нотариуса, пожилой женщины, судя по почерку.

«Уважаемая Алиса Викторовна! Сообщаем Вам, что в связи с кончиной вашей бабушки, Ангелины Степановны Замятиной, вам в порядке наследования переходит жилой дом с земельным участком, расположенный по вышеуказанному адресу. Просим в течение шести месяцев явиться для оформления документов...»

Дальше шли юридические формулировки. Но Алиса не читала их. Она смотрела на имя. Ангелина Степановна. Бабушка Лина. Та самая, которая пахла пирогами и травой, в чьём деревенском доме Алиса проводила лето, будучи совсем маленькой. Потом родители перестали туда ездить. Ссора? Что-то ещё? Семейные истории замалчивались, обрастая недомолвками. Бабушка стала голосом в трубке раз в месяц, а потом и эти звонки прекратились.

И вот теперь — дом. Где-то на краю света. В глуши, откуда, казалось, нет дороги назад в нормальную, цивилизованную жизнь. Алиса опустила бумаги и снова посмотрела в окно, на свой мокрый, неудачливый город. На экране телефона всё ещё горело непрочитанное сообщение от Данила. На ноутбуке — уволенная презентация. Тишина в комнате сгущалась, становясь невыносимой. Именно в этот момент идея, дикая и абсурдная, из разряда «а что, если...», перестала быть просто мыслью. Она коснулась чего-то глубокого внутри — усталости, отчаяния и той самой, детской, почти забытой тоски по простым вещам: тишине не от одиночества, а от покоя, запаху настоящей земли, а не бетона, и месту, где тебя не могут уволить или «серьёзно поговорить», потому что это место — твоё.

Она взяла в руки ключ. Старый, тяжелый, чугунный ключ, приложенный к документам. Он лежал на ладони холодным, увесистым упрёком и... обещанием. Решение созрело не как озарение, а как единственный выход из тупика. Не бегство. Перезагрузка.

Алиса так и не ответила на сообщение. Вместо этого она набрала номер.

— Привет, — её голос прозвучал хрипло. Она прочистила горло. — Я получила. Ты где?

— Дома. Можешь подъехать? — ответил Данил. Ни «привет», ни «как дела». Только сухая констатация и предложение, больше похожее на вызов.

«Дома». Это звучало как издевательство. Его дом. Просторная лофт-студия в центре, которую он снимал и которую она за два года почти что обустроила. Её зубная щётка всё ещё стояла там в стакане. Её любимый плед лежал на диване.

— Нет, — сказала она твёрже, чем ожидала сама. — Встречайся у меня. Через час.

Пауза. Она представляла, как он нахмурился, оторвав взгляд от ноутбука. Он ненавидел, когда планы менялись без его одобрения.

— Ладно, — коротко бросил он. — Будет поздно.

— Ничего, — сказала она и положила трубку.

Он приехал ровно через час. Дождь уже прекратился, оставив после себя холодную, промозглую сырость, впитывавшуюся в стены панельной многоэтажки. Алиса открыла дверь, не спрашивая «кто там». Она знала его резкий, настойчивый стук.

Данил стоял на пороге, не снимая куртки. Высокий, под-

тянутый, с идеальной трёхдневной щетиной и взглядом человека, который привык оценивать обстановку и быстро принимать выгодные решения.

Именно этот взгляд когда-то казался ей притягательным — признаком силы и ясности ума. Теперь он видел только проблему, которую нужно решить.

— Заходи, — сказала она, отступая в сторону.

Он вошел, окинул комнату беглым, оценивающим взглядом — беспорядок, неубранная кровать, пустая чашка на столе. Его лицо выразило лёгкое презрение. Здесь не было того безупречного минимализма, который он ценил.

— Слушай, Аля, — он начал сразу, без преамбулы, положив руки в карманы. — Я не хочу тебя грузить, но ситуация складывается так, что нам нужно сделать паузу.

Он использовал слово «пауза». Не «расстаться». «Пауза» была из его профессионального лексикона — так говорили о проектах, которые ставили на полку. До лучших времён. Которые никогда не наступят.

— Какая ситуация? — спросила Алиса, прислонившись к спинке стула. Она чувствовала странную, почти клиническую отстранённость. Как будто наблюдала за сценой из пло-

хого сериала.

— Работа. Новый контракт в Берлине на полгода. Очень крутой. — В его глазах мелькнул знакомый азарт. Тот самый, из-за которого он мог забыть о её дне рождения или сорвать совместные выходные. — И там... там всё по-другому. Мне нужна мобильность. Свобода. Ты понимаешь.

«По-другому». «Свобода». Она понимала. Понимала слишком хорошо. Он нашёл что-то новое. Или кого-то. И его жизнь, выстроенная как стартап, требовала «апгрейда» во всём, включая отношения.

— Ты понимаешь, — повторил он, не дождавшись её ответа, и это уже звучало не как вопрос, а как требование согласия. Алиса посмотрела на него — на этого красивого, амбициозного человека, которого она когда-то считала своей опорой. И вдруг с предельной ясностью увидела пустоту. За безупречным фасадом не было ничего, что принадлежало бы им двоим. Общие воспоминания стёрлись под напором его дедайнов, её попыток угнаться, невысказанных обид.

— Да, — тихо сказала она. — Я понимаю.

Он кивнул, явно почувствовав облегчение. Самый сложный этап, казалось, был позади.

— Мы останемся друзьями, конечно. Буду писать. Может, когда всё устаканится...

— Не надо, — перебила она. Голос её не дрогнул. — Не надо писать. И не надо про дружбу.

Он смутился, на мгновение потеряв привычную уверенность.

— Аля, не надо драмы. Мы же взрослые люди.

— Именно поэтому, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Взрослые люди называют вещи своими именами. Мы расстаёмся. Ты уезжаешь к новой жизни, в которой мне нет места. И я не хочу быть твоим запасным аэродромом или пунктом в списке «написать раз в полгода». Всё.

В комнате повисла тишина. Данил смотрел на неё, будто видя впервые. Возможно, он впервые услышал от неё такую твёрдость. Не слёзы, не упрёки, а холодное, чистое решение.

— Хорошо, — наконец выдохнул он. — Как скажешь. Ключи... — он потянулся к связке на поясе, чтобы снять тот, что от её квартиры.

— Оставь, — сказала Алиса. — Я скоро поменяю замок.

Он замер, потом просто кивнул.

— Удачи тебе, Аля. И с работой... это фигня, ты быстро найдёшь.

Он повернулся и вышел, не обняв на прощание, не попытавшись сделать последний жест. Дверь закрылась с тихим щелчком.

Алиса стояла неподвижно, слушая, как его шаги затихают в подъезде. Внутри не было ни боли, ни злости. Была огромная, зияющая пустота. Как после сильного шторма, когда ветер стихает, и остаётся только вывороченная с корнем земля и абсолютная, оглушающая тишина.

Она медленно подошла к окну. Через несколько минут увидела, как он выходит на улицу, садится в свой припаркованный у дороги кроссовер и уезжает, не оглядываясь. Красные задние огни растворились в потоке машин.

Он исчез.

Её работа исчезла. Осязаемое будущее, которое она себе представляла, рассыпалось в прах. Она повернулась к комнате. Взгляд упал на конверт, лежащий на столе. На тяжёлый чугунный ключ рядом с ним. В этой пустоте вдруг возник

единственный, чёткий ориентир. Не план, не мечта. Направление.

Она взяла ключ в руку. Холод металла казался живым, настоящим. Более реальным, чем всё, что только что произошло. Следующим её движением было не рыдание в подушку. Она открыла ноутбук, нашла вкладку с расписанием автобусов и начала искать, как добраться до того самого райцентра. Потом открыла карты и вбила название: Тихое Урочище. На экране появилась тонкая, прерывистая линия дороги, теряющаяся в зелёном массиве. Край света. Конец географии. И, возможно, начало чего-то иного. Алиса откинулась на спинку стула, всё ещё сжимая ключ в ладони.

«Ладно, — подумала она, обращаясь к призраку бабушки, к дому, которого не видела двадцать лет, ко всей этой нелепой, отчаянной авантюре. — Поехали».

Глава 2. Конец дороги — Тихое Урочище.

•

Автобус, скрипя всеми пружинами, сделал последний рывок и замер на краю грунтовой площадки, больше похожей на расширенную часть просёлка. Мотор сдал последний вздох и заглох. В наступившей тишине было слышно лишь шипение отходящего металла и собственное сердцебиение Алисы в ушах.

— Тихое Урочище! Конечная! — крикнул водитель, не

оборачиваясь, и потянулся за кружкой с чаем, словно объявил не название населённого пункта, а конец света.

Алиса взяла свою единственную сумку — большой походный рюкзак, в который впритык влезло самое необходимое, — и вышла, спускаясь по скрипучим ступенькам. Дверь захлопнулась за ней с таким окончательным звуком, будто отрезала обратный путь. Автобус, пустой и усталый, тут же тронулся в обратный путь, оставляя за собой шлейф рыжей пыли.

Она осталась одна. Тишина обрушилась на неё не как отсутствие звука, а как нечто плотное, осязаемое. Не было гула машин, грохота трамваев, даже далёкого гудка поезда. Только ветер, гуляющий меж стволами сосен на опушке, да отдалённый, методичный стук дятла. Воздух пахло хвоей, сырой землей и чем-то сладковато-прелым — запахом глубокой осени, застоявшейся воды и покоя.

Перед ней расстилалась единственная улица, если это можно было так назвать. Две нестройные шеренги домов по обе стороны грунтовки. Не избышки, а вполне крепкие, часто двухэтажные дома, некоторые обшитые сайдингом, другие — тёмным тёсом. Крыши — из новой металлочерепицы или аккуратного шифера. Всё выглядело... ухоженно. Слишком ухоженно для заброшенной деревни. Ни одного покосившегося забора, ни одной разбитой рамы. Огороды подчищены, бурьян выкошен. Идиллия, выверенная под линеечку.

Но именно это и било в глаза. Слишком.

Не было видно ни души. Ни старушек на лавочках, ни детей, гоняющих мяч, ни собак, лениво валяющихся на пыли. Окна домов смотрели на улицу тёмными, глухими квадратами, хотя до заката оставался час. Ставни были закрыты, занавески неподвижны.

Алиса сглотнула комок в горле, взвалила рюкзак потуже и пошла по улице, скрипя гравием под подошвами кроссовок. Гулко. Слишком гулко в этой всепоглощающей тишине. Она чувствовала себя на сцене пустого театра.

Номер дома, указанный в документах, был 47. Она шла, считая. Дом 10... 15... 20... Каждый — как близнец предыдущего, с небольшими вариациями. И от каждого, ей казалось, на неё смотрели. Ощущение было физическим — мурашки бежали по спине. Она резко обернулась. Улица была пуста. Но в одном из окон на втором этаже дальнего дома ей показалось — занавеска дрогнула, отскочив на сантиметр, будто её только что отпустили.

«Паранойя, — строго сказала себе Алиса. — Просто усталость с дороги и нервы».

Но она не могла отделаться от мысли, что вся деревня при-

таилась и замерла, наблюдая за новенькой. Изучая.

Наконец, она дошла до конца улицы, где та упиралась в старый, покосившийся указатель с едва читаемой надписью «Колодец». И там, чуть в стороне, за невысоким, но крепким плетнём, стоял её дом. Дом бабушки Ангелины.

Он не был похож на другие. Не двухэтажный, а одноэтажный, бревенчатый, почерневший от времени, но не разваливающийся. Резные наличники вокруг окон, хоть и облупившиеся, хранили следы бывшего узора. Крыша из тёмного тёса. И он не смотрел фасадом на улицу, а стоял к ней боком, как бы отворачиваясь, смотря двумя небольшими окнами в сторону леса, чья густая, тёмная стена начиналась буквально в тридцати метрах от заднего крыльца.

Алиса остановилась у калитки. Сердце сжалось странным чувством — не страхом, а щемящим узнаванием. Она помнила этот плетень. Помнила, как маленькой девочкой помогала бабушке подвязывать к нему побеги гороха. Помнила запах мяты, росшей у крыльца.

Она толкнула калитку. Та открылась без скрипа — петли были смазаны. Во дворе, также подметённом и ухоженном, росла старая яблоня, уже облетевшая. И под ней, на покосившейся, но прочной лавке, сидел старик.

Он сидел совершенно неподвижно, положив руки на ко-

лени, и смотрел прямо на неё. Не на калитку, а именно на то место, где она появилась, будто ждал. На вид ему было лет семьдесят, лицо — сеть глубоких морщин, вырезанных не столько возрастом, сколько постоянным пребыванием на ветру. Он был одет чисто, но по-старинке: телогрейка, картуз. И глаза... глаза были светло-серыми, очень внимательными и абсолютно непроницаемыми. В них не было ни любопытства, ни приветствия, ни даже обычной человеческой оценки. Было лишь спокойное, тяжёлое наблюдение.

Алиса замерла, не зная, что сказать. «Здравствуйте» застряло в горле.

Старик первым нарушил молчание. Его голос был низким, скрипучим, как эта калитка, но без эмоций.

— Замятина Алиса? Внучка Ангелины?

Она кивнула, с трудом выдавив:

— Да. Я.

— Ждали, — коротко сказал он и поднялся с лавки. Движения были плавными, без старческой скованности. — Я Петрович. Сосед. — Он кивнул в сторону следующего дома, такого же аккуратного и безжизненного. — Ключ есть?

— Есть, — Алиса автоматически потянулась к карману куртки, где лежал тот самый чугунный ключ.

— Ну, иди, открывай. Сухие дрова в сарае слева. Вода в колодце. — Он говорил инструкции, как дежурный по части. — Если что — стучи. Только до темноты.

И, бросив последний оценивающий взгляд — не на неё, а словно бы на её тень, — он развернулся и неспешной, твердой походкой вышел за калитку, не закрыв её за собой, и направился к своему дому.

Алиса осталась стоять посреди двора, с ключом в потной ладони. Приветствие закончилось. Ни «как дорога?», ни «нужна ли помощь?», ни «заходите в гости». Только факты: дрова, вода, условие «до темноты». И это «ждали» прозвучало не как радушная готовность встретить, а как констатация неизбежного события, к которому приготовились.

Она вздохнула, подошла к крыльцу и поднялась на две скрипучие ступеньки. Дверь была массивная, деревянная, с кованой ручкой и внушительным засовом. Замок, старинный, тоже чугунный, смотрел на неё единственным чёрным глазком-скважиной.

Рука дрогнула, когда она вставляла ключ. Металл вошёл

туго, с сопротивлением, но затем с глухим, удовлетворяющим щелчком повернулся. Алиса нажала на ручку, толкнула дверь.

На неё пахнуло запахом старого дерева, пыли, сухих трав и чего-то ещё — лёгкого, едва уловимого запаха печного дыма и воска. Запах детства. Запах бабушки.

Она переступила порог.

Темнота в сенях была почти непроглядной. Луч света из открытой двери выхватил лишь половицы, застеленные потрёпанным половиком, и начало узкой лестницы вверх, в чердачное помещение.

И тогда, из глубины дома, донёсся звук.

Тихий, чёткий, невыносимо одинокий в этой гробовой тишине.

Тик-так. Тик-так.

Большие настенные часы. Они шли.

Алиса замерла на пороге, внезапно охваченная ледяным предчувствием.

Часы шли. В доме, где, по словам нотариуса, уже полгода никого не было.

Глава 3. Дом с завешанными зеркалами.

•

Звук часов был гипнотическим, вбивающимся в сознание. Тик-так. Тик-так. Он отмеривал секунды в абсолютной темноте сеней, и Алисе вдруг показалось, что это не просто механизм, а пульс самого дома. Глухой, медленный, неумолимый.

Она нащупала рукой шершавую стену, нашла выключатель. Щелчок — и под потолком замигал, затем загорелся желтоватым светом старый плафон в виде запылённого колокола. Свет был тусклым, но он разогнал самый жуткий мрак.

Сени оказались маленькими. Прямо перед ней — дверь в основную часть дома. Слева — та самая лестница на чердак, крутая, почти вертикальная, с перилами, покрытыми толстым слоем пыли. Справа — дверь, вероятно, в подсобное помещение или кладовую.

Сердце всё ещё колотилось от неожиданности с часами.

«Наверное, завелись от сырости или перепада температуры, — попыталась найти рациональное объяснение её дизайнерский, любящий порядок ум. — Батарейка, пружина... что угодно».

Она толкнула дверь перед собой.

Гостиная, или, как раньше говорили, горница, встретила её запахом замкнувшегося пространства. Воздух был спёртым, холодным и густым от пыли, висевшей в слабых лучах света из двух окон. Алиса замерла на пороге, впитывая впечатления.

Комната была не заброшенной, а законсервированной. Всё стояло на своих местах, аккуратно, но покрытое серым слоем. Круглый стол под вышитой скатертью, два стула с гнутыми спинками, горка с посудой за стеклом, где бокалы и тарелки стояли как экспонаты в музее. На стене — ковёр с оленями, выцветший от времени. И над всем этим — те самые часы. Большие, деревянные, с медным маятником, который мерно качался за стеклянной дверцей. Стрелки показывали без пяти девять.

Алиса медленно вошла внутрь, поставив рюкзак у порога. Её взгляд скользил по предметам, выхватывая знакомое: вазочку для варенья, которую она всегда норовила стащить

со стола в детстве; чёрно-белую фотографию в раме на горке — молодые бабушка с дедом, которого она не помнила. Но больше всего её внимание приковывало другое.

Зеркала.

Их в комнате было три. Небольшое овальное над комодом. Круглое, в резной раме, висевшее напротив окна. И большое, в полростра, стоявшее в углу на ножках. И все они были завешаны. Не просто занавеской или тканью, а будто укутаны. На овальном был наброшен вышитый рушник, аккуратно закреплённый сверху. Круглое было плотно закрыто куском тёмной, грубой ткани, похожей на мешковину, подоткнутым за раму. Большое зеркало стояло, отвернувшись к стене, его деревянная спинка, покрытая паутиной, смотрела в комнату.

Ледяная мурашка пробежала по спине. Это было не похоже на бережливость — укрыть от пыли. Это походило на ритуал. На сознательное сокрытие.

«Суеверие, — тут же отозвалась в голове заезженная пластинка рационализма. — Старушечье. Боялась сглазить себя или ещё чего».

Но что-то внутри не хотело принимать это простое объ-

яснение. Слишком старательно, слишком... боязливо было сделано.

Алиса подошла к круглому зеркалу, затянутому мешковиной. Рука сама потянулась к краю ткани. Палец коснулся грубой нити...

В этот момент где-то снаружи, совсем близко, хлопнула калитка. Резко, громко, как выстрел в тишине.

Алиса вздрогнула и отпрянула от зеркала, сердце прыгнуло в горло. Она затаила дыхание, прислушалась. Шаги. Твёрдые, неспешные. Не по улице, а прямо по двору. Они приближались к крыльцу.

Петрович? Вернулся? Но зачем?

Шаги встали у двери. Последовала пауза, тягучая и напряжённая. Алиса не двигалась, уставившись на полосу света под внутренней дверью в сени. Там мелькнула тень.

Затем раздался стук. Не в наружную дверь, а прямо в ту, что вела из сеней в горницу. Три отмеренных, чётких удара костяшками пальцев.

Тук. Тук. Тук.

Алиса не ответила. Она инстинктивно прижалась к стене, подальше от прямого взгляда через возможную щель.

— Ангелина Степановна? — донёсся из-за двери голос. Женский, низкий, без особой интонации. — Вы дома?

Голос был чужим. И обращение к умершей бабушке заставило волосы на затылке встать дыбом.

Алиса стиснула зубы, чтобы не издать ни звука.

Последовала ещё одна пауза. Казалось, тот, кто стоит за дверью, тоже прислушивается. Пытается уловить дыхание, шелест одежды.

— Ладно, — наконец сказал голос, уже тише, будто про себя. — Значит, не дома.

Шаги отдалились. Скрипнула наружная дверь, затем хлопнулась.

Алиса выдохнула, не осознавая, что задерживала дыхание. Она подкралась к окну, осторожно отодвинула край тяжёлой шторы. Во дворе, удаляясь к калитке, шла женщина в тёмном платье и фартуке, с платком на голове. Соседка. Она не оглядывалась.

Когда женщина скрылась за плетнём, Алиса отступила от

окна. Колени дрожали. Это было не просто странно. Это было жутко. Кто стучит к умершему человеку, как к живому? Кто заходит во двор без спроса? И этот голос... в нём не было ни беспокойства, ни даже обычного человеческого любопытства. Была констатация факта: «не дома».

Она обвела взглядом комнату снова, и теперь всё в ней казалось иным. Не уютным наследием, а набором улики. Завешанные зеркала. Часы, идущие в пустом доме. И тишина за стенами, которая была не мирной, а выжидающей.

Сумрак за окнами сгущался. Синие сумерки быстро пожирали остатки дня. Вспомнились слова Петровича: «Только до темноты».

Алиса решительно потянулась к рюкзаку. Первым делом нужно было свет и тепло. Она нашла в кармане фонарик на телефоне и, высветив себе путь, двинулась в сени, к двери направо. Та вела в небольшую кладовку, где, как и обещал Петрович, аккуратными рядами лежали сухие, колкие поленья. Взяла охапку.

В горнице она открыла дверцу печки — массивной, изразцовой, занимавшей половину стены. Внутри лежала аккуратно сложенная растопка. Кто-то подготовил дом к приезду. И снова — не гостеприимство, а часть того же странного,

безличного ритуала.

Она разожгла огонь. Пламя с треском охватило щепки, отбросив на стены живые, прыгающие тени. Они оживили комнату, но сделали её ещё более чужой — теперь призраками казались знакомые предметы.

Тепло начало медленно растекаться по комнате. Алиса села на стул у стола, глядя на пламя. За окном окончательно стемнело. Чёрная, непроглядная темень, без единого огонька в окнах соседей.

И тогда, сквозь тиканье часов и потрескивание поленьев, она услышала новый звук.

Глухой, далёкий. Не с улицы. Он шёл изнутри дома.

Сверху.

С чердака.

Это был скрежет. Короткий, металлический, будто что-то тяжёлое и ржавое с трудом сдвинули с места.

Алиса замолчала, застыв. Звук не повторился.

Но теперь она знала наверняка. Дом не был пустым. Или пустым в том смысле, в каком она надеялась. В нём жили зву-

ки. Жили воспоминания. И, возможно, жило что-то ещё, что пряталось от дневного света за полотном на зеркалах и ждало своего часа за поворотом узкой лестницы в самом верху.

Алиса сидела, вцепившись в подлокотники стула, пока пальцы не задеревенели. Её слух, обострённый до предела, вылавливал только треск поленьев, тиканье часов и собственное неровное дыхание. Игра воображения, — упрямо твердил один внутренний голос, голос здравого смысла из прошлой жизни. Ты устала, напугана, в новом месте. Дом старый, деревянный, он просто оседает. Скрипит.

Другой голос, тонкий и леденящий, шептал: Там кто-то есть. Тот, кто завёл часы. Тот, кто накрыл зеркала.

Чтобы заглушить его, Алиса встала и решительно направилась к печке. Нужно было заняться делом. Она подбросила ещё поленьев, отыскала на помойной горке эмалированный чайник, наполнила его водой из принесённой с собой бутылки и поставила на плиту. Механические действия успокаивали.

Пока вода грелась, она позволила себе осмотреть комнату при свете огня и единственной лампочки. Взгляд снова упал на завешанные зеркала. Суеверие. Должно быть, суеверие. Бабушка всегда была немного... странной. В её город-

ской квартире тоже висели зеркала в рамах, но никогда не на самом видном месте. Алиса вспомнила, как мама, помогая бабушке переезжать в деревню насовсем, тогда сказала с раздражением: «Мама, ну хватит уже этой мистики! XXI век на дворе!»

Что именно имела в виду мама? Бабушка боялась сглаза? Или чего-то другого?

Жажда понять пересилила суеверный страх. Алиса подошла к самому маленькому, овальному зеркалу над комодом. Рушник, закрывавший его, был вышит крестиком — знакомые с детства синие и красные петушки. Она взялась за нижний край ткани. Сердце заколотилось. Это просто стекло. Отражение. Ничего больше.

Она дёрнула рушник вниз.

Ткань соскользнула легко, без сопротивления. В зеркале, покрытом лёгкой дымкой пыли, отразилось её собственное лицо. Бледное, с тёмными кругами под глазами, с непослушной прядью волос, выбившейся из хвоста. Обычное лицо уставшей женщины. Ничего сверхъестественного.

Алиса выдохнула с облегчением, которое тут же сменилось стыдливой досадой. Ну конечно! Какие призраки, какие тайны? Она слетела с катушек от стресса.

Она уже хотела набросить рушник обратно, но её взгляд уловил в отражении что-то ещё. Не за своим плечом — там была лишь стена с ковром. А в самом стекле. В глубине отражения комнаты, в затемнённом углу, куда не доставал свет лампы, мелькнуло пятно. Светлое, неясное. Как будто там стоял кто-то в светлой одежде и тут же отошёл в тень.

Алиса резко обернулась.

Угол был пуст. Там стоял лишь высокий, узкий шкафчик, тоже затянутый паутиной.

«Игра света, — сурово сказала она себе вслух. Голос прозвучал хрипло и неуверенно в тихой комнате. — Тени от огня. Ничего больше».

Но когда она повернулась обратно к зеркалу, чтобы накрыть его, её отражение казалось уже чужим. Глаза смотрели слишком широко, а в уголках губ затаилась не её, чужая усталость — вековая, тяжёлая. Она поспешно натянула рушник на место, поправила его, чтобы он закрывал каждую щёлочку.

Чайник на плите начал потихоньку посвистывать. Алиса отвернулась от зеркал, благодарная за этот бытовой, успокаивающий звук. Она нашла на горке чашку, без разбора насыпала заварки из жестяной банки с бабушкиной пометкой

«Для гостей».

Сидеть за столом, спиной к комнате, было невыносимо. Она взяла чашку и пристроилась на широком подоконнике, спиной к холодному стеклу, лицом к комнате. Так она могла всё видеть.

Ночь за окном была абсолютно чёрной. Ни луны, ни звёзд. Как будто деревня утонула в чернильной луже. Ни одного огонька в других домах. Полная иллюминация.

Алиса пила горячий, горьковатый чай, и мысли её метались. Что она здесь делает? Это была ошибка. Бегство. Завтра же нужно... что? Вернуться в город? К чему? К пустой квартире, которую скоро придётся освободить? К резюме, которое никто не читает? К жизни, которая треснула по всем швам?

Здесь, по крайней мере, есть крыша над головой. Крыша, которая скрипит. И часы, которые тикают. И зеркала, которые...

Она не закончила мысль. Взгляд её снова прилип к большому зеркалу в углу, повернутому к стене. Почему его не просто занавесили, а развернули? Что в нём такого страшно-го увидели, что предпочли не смотреть вовсе?

И тут она заметила то, чего не видела раньше. На полу, у самой ножки зеркала, лежал небольшой, тёмный предмет. Не пыльный, не закатившийся. Он лежал там, будто его недавно обронили.

Алиса осторожно спустилась с подоконника, подошла ближе и присела на корточки.

Это была пуговица. Большая, деревянная, с четырьмя дырочками. Мужская. От старой телогрейки или пальто. Она была чистой, без паутины.

Кто её обронил? Петрович, когда «подготовливал» дом? Но он говорил только о дровах и воде. Зачем ему было заходить в горницу и подходить к этому зеркалу?

Алиса подняла пуговицу. Дерево было гладким, отполированным временем и прикосновениями. Она сжала её в ладони.

В этот момент часы на стене громко, с металлическим перезвоном, пробили девять.

Бом... Бом... Бом...

Звук был настолько неожиданным и гулким в тишине, что Алиса вздрогнула и чуть не выронила чашку. Она выпрямилась, сердце бешено колотясь.

Девять ударов. Всё.

И после девяти, будто по сигналу, во дворе хлопнула калитка.

Не её калитка. Соседская. Потом ещё одна. Где-то вдали, на другом конце деревни, скрипнула дверь.

И тишина, абсолютная и мёртвая, воцарившаяся после этого, была страшнее любого звука. Она была настороженной. Выжидающей. Как будто вся деревня, затаив дыхание, замерла в одной и той же позе, повернув головы в одну сторону.

Алиса инстинктивно притушила свет лампы, оставив только отсвет огня в печке. Она прильнула к окну, раздвинула шторы на сантиметр.

Темнота. Ничего.

Но ощущение было таким сильным, что её прошиб холодный пот. Ощущение, что там, в этой чёрной массе, сейчас, в двадцати метрах от неё, кто-то стоит. Много кто. И смотрит.

Смотрит на тёмные окна её дома.

Правило Петровича всплыло в памяти, обретая новый, зловещий смысл.

«Только до темноты».

Темнота наступила. Час пробил.

И что бы ни стояло сейчас там, в ночи, оно уже не было просто соседом.

Алиса медленно, чтобы не выдать себя движением, отступила от окна. Она взяла со стола нож для масла, который нашла в ящике, — жалкое, но хоть какое-то оружие. Затем погасила и печь, закрыв заслонку, погрузив комнату в полную, непроглядную тьму.

Она сидела на полу, в углу, между печкой и стеной, сжав в одной руке нож, а в другой — чужую деревянную пуговицу. И слушала.

Тишина снаружи была теперь иной. Не пустой. Насыщенной. В ней было слышно, как кровь стучит в висках. И казалось, что из этой тишины вот-вот родится звук. Шаг на крыльце. Стук в дверь. Шёпот за окном.

Но ничего не происходило.

Только часы, отсчитывая секунды в темноте, тикали снова.

Тик-так. Тик-так.

И Алиса понимала, что это обратный отсчёт. До чего — она не знала.

Глава 4. Слишком добрые соседи.

•

Алиса не помнила, когда уснула. Провалилась в тяжёлый, беспокойный сон, сидя в углу, под аккомпанемент тикающих часов, и проснулась от того, что всё тело онемело и болело. Свет, холодный и серый, пробивался сквозь щели в ставнях.

Утро.

Она осторожно размяла затекшие конечности, прислушалась. Тиканье часов по-прежнему мерно заполняло комнату. Снаружи — тишина, но уже другая, дневная. Не та, насыщенная угрозой ночная тишь, а обычная, деревенская утренняя тишина, в которой уже слышалось далёкое карканье вороны и шелест ветра в голых ветвях яблони.

Нож для масла лежал рядом. Пуговица была зажата так крепко в ладони, что на коже остался красный отпечаток. Алиса разжала пальцы, рассматривая чужую вещь. Ночной ужас отступил, оставив после себя стыд и смутное недоверие к самой себе. Паника. Истерика на пустом месте. Из-за скрипа дерева и выдуманной пуговицы.

Она встала, потянулась, зажгла лампу. Комната в утреннем свете выглядела просто старой и пыльной, а не злобющей. Даже зеркало под рушником казалось теперь просто заботливо укрытой от пыли вещью.

Надо было начинать жить. Первым делом — вода.

Взяв ведро, найденное в сенях, Алиса вышла во двор. Воздух был холодным, колючим, пахло морозной землёй и дымом. Не её дымом — печь она потушила. Чей-то другой, из труб соседних домов. Знак жизни. Обычной, человеческой

жизни.

Колодец оказался за домом, под навесом. Журавль скрипел жалобно, когда она опускала ведро в чёрную, холодную глубину. Зачерпнув воды, она с трудом вращала рукоять, и в этот момент увидела её.

На крыльце соседнего дома, того самого, где жил Петрович, стояла женщина. Та самая, что приходила вчера вечером. Она вытряхивала половик. Увидев Алису, женщина замерла на мгновение, а затем лицо её расплылось в широкой, неестественно радушной улыбке.

— Ой, родная, проснулась! — крикнула она, бросая половик и сходя со ступенек к плетню, что разделял их дворы. — Анна я, соседка! Мы вчера-то с тобой и познакомиться нормально не успели!

Алиса медленно поставила полное ведро на землю. Днём Анна была совсем другой. Полная, круглолицая, лет пятидесяти, в ярком клетчатом платке и фартуке с ромашками. Сама доброта. Но вчерашний безэмоциональный голос, спрашивавший бабушку, стоял у неё в ушах.

— Здравствуйте, — осторожно сказала Алиса.

— Да брось ты это «здравствуйте»! — махнула та рукой.
— Я тебе, как тётё Анне. Твоя бабушка, царство ей небесное, мне как сестра была. Всё, что нужно — ко мне! Молока? Хлеба? Я только каравай из печи вынула, духовитый!

Улыбка не сходила с её лица. Глаза, маленькие и очень светлые, казалось, тоже улыбались. Но где-то в глубине этих глаз, за слоем нарочитого тепла, было пусто. Как будто смотрели не на Алису, а сквозь неё, на что-то другое.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Пока всё есть.

— Ну как есть! Да ты посмотри на себя, птаха, вся измученная! — Анна уже перелезала через низкий плетень с удивительной ловкостью. — Иди ко мне, позавтракаешь. Нехорошо одной-то, в первый день особенно.

Она была уже рядом, и её рука протянулась, чтобы взять Алису под локоть. Прикосновение было тёплым, цепким.

Алиса инстинктивно отшатнулась. Всего на сантиметр, но этого хватило. Улыбка Анны на миг дрогнула, в глазах мелькнуло что-то быстрое, оценивающее. Затем снова нанесённый слой доброты.

— Я... я ещё не умылась, дом не прибрала, — поспешно сказала Алиса, поднимая ведро. — Может, в другой раз.

Спасибо большое.

— Ах, деловая какая! — рассмеялась Анна, но смех был слишком громким, будто играла роль в спектакле. — Ну ладно, ладно. Не буду настаивать. Ты знай, где мы. Мы тут все — семья. Помогаем друг дружке. Ты только клич.

Она повернулась и пошла обратно к своему дому, на ходу обернувшись и крикнув:

— И дверь-то на ночь покрепче закрывай, а то ветер у нас бывает, шальной! Всё хлопает!

Алиса стояла с ведром в руках, наблюдая, как Анна скрывается за дверью. Предложение было более чем дружелюбным. Забота — искренней, на первый взгляд. Но что-то било по нервам. Скорость, с которой она перешла от наблюдения к вторжению в личное пространство. Неестественность её оживления. И эта фраза о двери... Та же тема, что у Петровича. «Закрывай».

Она отнесла воду в дом, снова вышла, чтобы осмотреться при свете дня. Деревня просыпалась. Из трубы дома напротив повалил густой дым. На улице появился мужик в телогрейке — повёл корову в сторону выгона. Он кивнул Алисе, лицо серьёзное, но не враждебное. Просто кивок. Ещё одна женщина вышла из калитки через три дома, покосилась в её

сторону и быстро зашагала в другую сторону.

Ничего явно страшного. Обычная деревня. Но контраст с ночью был слишком резким. Как будто включается и выключается рубильник.

Возвращаясь в дом, Алиса заметила у своей калитки сверток. Небольшой, в белой ткани. Она наклонилась. Это была половина ещё тёплого, душистого хлеба. И кружка парного молока, прикрытая блюдцем. Рядом лежала записка, аккуратно сложенная треугольником.

«Алисе Викторовне. Добро пожаловать. С уважением, соседи. А.И. Петров».

Тот самый Петрович. Он не просто «ждал». Он оставил хлеб и молоко. Жест деревенской, суровой, но заботы.

Алиса взяла сверток. Хлеб пах невероятно. Настоящий, ржаной, из печи. В горле встал комок. Может, она всё выдумала? Может, они просто замкнутые, странные, но добрые люди? А ночные страхи — плод её усталости и городской паранойи?

Она зашла в дом, поставила молоко на стол, отломилась горбушку хлеба. Он был вкусным. Самым вкусным хлебом, что она ела за последние годы.

И пока она ела, сидя за бабушкиным столом, её взгляд снова упал на пуговицу, лежащую рядом на скатерти. А потом на часы. Стрелки показывали десять утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.